

К.П. Пащенко, А.Ш. Румянцева

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Проблемы трансформации отечественных профсоюзов, возникшие в процессе формирования рынка труда в современной России, во многом связаны с особенностями их становления в первой трети XX в. В связи с этим исторический анализ создания российских профсоюзов представляет собой важный шаг в формировании теоретических представлений об их роли и функциях как самостоятельного института в современной рыночной среде.

История формирования профсоюзного движения неразрывно связана с попытками использования рабочего движения и его организаций в качестве средства достижения собственных политических целей, которые предпринимались представителями разного рода социалистических течений едва ли не со времен позднего чартизма. История развития российских профсоюзов в данном отношении не представлялась исключением.

Важным этапом, связанным с борьбой российской социал-демократии, явился период Февральской революции, одним из центральных пунктов которой было решение «рабочего вопроса».¹

Этот период, прежде всего, ознаменовался бурным ростом профсоюзов. Помимо отмеченного роста профсоюзов (данные о численности членов которых, по разным источникам, колеблются от 1,6 до 3 млн человек с октября 1917 по январь 1918 г.)² в это время стали возникать фабрично-заводские комитеты.

Исторически фабзавкомы пришли на смену дореволюционным советам старост, Закон о которых от 10 июня 1903 г. называли «зубатовской конституцией» «полицейской фабрики».³ Фабзавкомы стихийно возникали как органы рабочего контроля над произ-

Кира Петровна ПАЩЕНКО — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социальной политики экономического факультета СПбГУ. В 1975 г. окончила экономический факультет ЛГУ. В 1983 г. защитила кандидатскую диссертацию. Автор более 40 работ.

Алия Шамильевна РУМЯНЦЕВА — канд. экон. наук, ректор НОУВПО «Институт экономики и финансов» (СПб.). В 1983 г. окончила ЛИТМО. В 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию. Сфера научных интересов — рынок труда и образовательных услуг, теория и отечественная история труда и занятости.

© К.П. Пащенко, А.Ш. Румянцева, 2006

водством. «Попытка взять производство в свои руки, — отмечал в то время Д. Далин, — была неизбежной естественной реакцией голодных масс на массовые расчеты и ужасы голода».⁴

Большевики, проигрывавшие к февралю 1917 г. меньшевикам советы и профсоюзы (отражавшие широкий политический спектр их участников), энергично включились в деятельность фабзавкомов, быстро сделав их нацеленными большевистскими.⁵ Фракционная борьба внутри профсоюзов дополнялась противостоянием меньшевистских профсоюзов и большевистских фабзавкомов.⁶ Под этим воздействием фабзавкомы, даже оставаясь во главе предприятий, брошенных их хозяевами и администрацией, и первоначально оценивавшие свое положение как временное и нежелательное,⁷ вскоре стали воспринимать себя едва ли не как основу органов управления полностью социализированной экономики ближайшего будущего.

Меньшевики считали, что контроль над экономикой и тем более руководство ею не могут быть привилегией одного какого-либо класса. Поэтому они поддерживали правительственную позицию государственного, а не рабочего контроля и регулирования. Они понимали теоретически и видели на практике вред, наносимый и без того разрушенной экономике действиями анархических «производительных коммун». Это «опасное партизанство» выражалось помимо прочего и в растаскивании имущества предприятий. Реальная деятельность фабзавкомов, ставшая «звездным часом» анархо-синдикализма, кроме того, отражала торжество потребительского коммунизма, распространявшегося на сферу производства. Не в силах обеспечить нормальную социальную защиту населения в условиях жесточайшего кризиса, государство рассчитывалось с рабочими, отдавая им по сути дела на разграбление «их» предприятия.

В проведении подобного «рабочего контроля» тон задавал не работник-пролетарий, а люмпен с его психологией, отсутствием трудовой мотивации и профессиональных навыков. Пагубность этой политики, которая ни до, ни после Октября не принесла никаких положительных результатов,⁸ прекрасно осознавали сами большевики. И когда проведенный с помощью фабзавкомов перенос баррикадной борьбы на заводы и фабрики⁹ закончился победой большевиков и завоеванием советов и профсоюзов, фабзавкомы как штурмовые отряды, выполнившие свое предназначение, были ликвидированы. Решениями Первой всероссийской конференции фабзавкомов 17–22 октября 1917 г.¹⁰ и Первого всероссийского съезда профсоюзов¹¹ 7–14 января 1918 г. фабзавкомы были превращены в органы профсоюзов. Хотя еще и на самом съезде звучали заявления о преимуществах фабзавкомов как пролетарских организаций настоящего и будущего над профсоюзами как отмирающими структурами буржуазного прошлого.¹²

Острота борьбы за профсоюзы в данный период во многом объяснялась тем, что по сути она представляла собой борьбу между различными теоретическими традициями и представлениями о том, какими должны быть профсоюзы, каковы их функции и предназначение и т. д. В основном эта борьба сводилась к противопоставлению тред-юнионистских (и других немарксистских) и марксистских представлений о природе и функциях профсоюзов, их роли и месте в рабочем движении.

Тред-юнионы¹³ возникают в целях преодоления конкуренции между продавцами рабочей силы, а также для организованной борьбы с ее покупателями за трудовые права рабочих — достойную заработную плату, нормальный рабочий день, приемлемые условия труда. Однако основоположники марксизма считали, что подлинного успеха в данном процессе можно достичь не внутри отдельной фабрики, профессии или местности, а в общенациональном и даже мировом масштабе. А это означает перевод борьбы рабочего

класса из чисто экономической плоскости в политическую – устранение системы наемного труда. «Вместо консервативного девиза: “Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день!” рабочие должны написать на своем знамени революционный лозунг: “Уничтожение системы наемного труда!”».¹⁴

Именно с этих позиций они вели идеологическую и политическую борьбу с представителями широкого спектра социалистических и профсоюзных теорий, представленного уже в «Манифесте коммунистической партии».¹⁵ Общим для всех этих концепций, различающихся в одних отношениях и переплетающихся в других, было проведение социальных преобразований в рамках улучшения существующего строя, сохранения его основ.

Наибольшее распространение и, как показала жизнь, устойчивость среди этих немарксистских взглядов продемонстрировали два течения. «Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления – ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения».¹⁶

Первое направление стремилось «к тому, чтобы внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному движению, доказывая, что ему может быть полезно не то или другое политическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни, экономических отношений. Однако под изменением материальных условий жизни этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом, в лучшем же случае – лишь сокращающие для буржуазии издержки ее господства и упрощающие ее государственное хозяйство».¹⁷

Что касается второго направления, то наиболее видными его представителями и оппонентами марксистов в теории и практике рабочего движения были Ж.П. Прудон и М.А. Бакунин. Отец анархизма – Прудон пропагандировал идею общества без государства и без партий на основе кооперативных рабочих обществ. Непосредственным предшественником Прудона был Луи Блан, под воздействием утопических идей которого относительно возможности преобразования общества на началах взаимопомощи Французское правительство в ходе революции 1848 г. создавало кооперативные мастерские для рабочих. В отличие от своего учителя Прудона Бакунин не видел возможности постепенного преобразования общества на основе систематического создания новых производственных организаций. Он призывал к разрушению государства и отмене религии путем вооруженного восстания, которое считал делом ближайшего будущего. Однако наибольшие расхождения во взглядах учителя и ученика касались роли профсоюзов. Если Прудон был открытым врагом профсоюзов, забастовок и движения за сокращение рабочего дня, справедливо считая все это альтернативой своих проектов кооперации на началах взаимопомощи, то Бакунин признавал профсоюзное движение. Он отводил экономической борьбе рабочих вспомогательную роль подготовки ко всеобщему вооруженному восстанию, в результате которого власть должна была перейти к «народу». При этом земля достанется в пользование сельскохозяйственным ассоциациям, а капитал – промышленным ассоциациям рабочих (которые могут быть представлены и профсоюзами). Эта раз-

новидность анархизма – анархо-синдикализм – в качестве своего первоисточника имеет оуэнизм, предполагавший передачу фабрик рабочим ассоциациям.

Как прудонисты, так и бакунисты вели ожесточенные битвы с марксистами за влияние в первом Интернационале. На том этапе сражение завершилось исключением бакунистов из Интернационала на его Гаагском конгрессе в 1872 г. Однако сама по себе борьба этим не закончилась. Из первого Интернационала (1864–1876) она перешла во второй (1889–1914). И хотя в отличие от первого он не был профсоюзным Интернационалом, в его рамках наблюдалось противостояние все тех же профсоюзных течений.

Первое, названное впоследствии известным американским профсоюзным деятелем С. Гомперсом «чистым и простым» тред-юнионизмом, ограничивало профсоюзную деятельность экономической борьбой и проповедовало принцип «никакой политики в союзах». Гомперсовский тред-юнионизм был распространен в Британии и ее доминионах, а также в США. Вторая форма профсоюзного движения – анархо-синдикализм – имела наибольшее влияние во Франции, Испании, Италии и Португалии. Третье, преобладающее направление, основывалось на марксистских принципах. Оно было особенно популярно в Германии, Австрии, Скандинавии, а позднее – в странах Балканского полуострова и в России.

История российского рабочего движения и разворачивавшейся вокруг него борьбы в общем и целом повторяла представленную выше картину, но почти с вековым отставанием и, понятно, с отечественной спецификой.

Британский «Акт о запрещении союзов», принятый в 1800 г., был отменен в 1824 – за год до восстания декабристов. В России Закон о союзах и обществах появился только в результате первой русской революции – в 1906 г. В части, касающейся профессиональных обществ, он определял их цели как «выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов или поднятие производительности принадлежащих им предприятий».¹⁸ Законом запрещалось соединение профессиональных обществ в союзы (нарушение каралось арестом до трех месяцев или заключением в крепости до одного года), а также создание обществ, имеющих свои центральные органы за границей. Уставы утверждались губернскими и городскими по делам об обществах присутствиями. Они же, а в некоторых случаях – губернаторы и градоначальники рассматривали вопросы о закрытии обществ. Эти присутствия всячески препятствовали работе подконтрольных им организаций. Так, Петербургский союз металлистов составил сводку областей деятельности, огороженных губернскими присутствиями «красными флажками». Запрещалось содействовать умственному и нравственному развитию членов общества, устраивать общежития для безработных и приезжих, открывать чайные, столовые, устраивать вечера, экскурсии, анкетные обследования положения рабочих. Запрещалось открывать читальни, учреждать бюро юридической помощи, иметь заведующего делом медицинской помощи. Не разрешалось организовывать справочные бюро для безработных, приглашать для заведования какой-либо отраслью деятельности посторонних лиц, открывать цеховые секции и даже создавать институт уполномоченных. Союзам запрещалось иметь в своем составе безработных и оказывать им помощь, принимать членские взносы меньше, чем за целый год, учреждать третейские суды. Не давали устраивать публичные вечера и концерты в пользу общества. Запрещали иметь уполномоченных на предприятиях для сбора членских взносов, передавать имущество общества, если его закрывают, какой-либо аналогичной организации, включать в устав пункты со словами «и так далее и тому подобное».¹⁹

С момента своего образования профсоюзы преследовались, угнетались и разгонялись. И потому вполне объяснимую специфику рабочего движения в России, особенно до революции 1905 г., составляло то, что оно разворачивалось при отсутствии профессиональных союзов. Экономической и политической борьбой рабочего класса, а затем созданием

профсоюзов и их деятельностью руководила социал-демократия. Неудивительно, почему господствующей идеологией молодого профдвижения был марксизм, а само профдвижение с момента своего зарождения имело не тред-юнионистскую, а социал-демократическую окраску. И что бы впоследствии ни говорили о приверженности части российских социал-демократов идее нейтральности профсоюзов, их политизация была заложена в «генетический код» этого организма. Объяснимы и полицейские набеги на профсоюзы в то время. Понятны также усилия Министерства внутренних дел по созданию печально известных «зубатовских» рабочих организаций (по имени начальника московского охранного отделения, бывшего революционера и социал-демократа Сергея Зубатова). Провалившаяся попытка введения этих союзов, хотя и составляла российскую особенность, восходила к идеям «государственного социализма» О. Бисмарка, К. Родбертуса-Ягцеова и Ф. Лассалья, которые критиковались К. Марксом и Ф. Энгельсом и заимствованным идеологом и создателем «полицейского социализма» российским министром внутренних дел Вячеславом Плеве.²⁰ Тем более узнаваемыми были обозначенные выше идейно-политические течения, которые сложились в российском рабочем движении конца XIX–начала XX в.

Основная борьба тогда развернулась между большевиками и меньшевиками, что отражало различие их взглядов на характер российского общества, перспективы его развития, а также роль социал-демократии в этом процессе.

Обозримое будущее меньшевики связывали с проведением буржуазно-демократических преобразований, ведущая роль в которых естественным образом отводилась не пролетариату и беднейшему крестьянству, а прогрессивной национальной буржуазии. Задача партии в этих условиях сводилась к руководству рабочим движением и профсоюзами в их борьбе за улучшение экономического положения трудящихся. Большевики же полагали экономическую борьбу лишь второстепенной задачей по сравнению с борьбой политической. Ее цель – превращение буржуазно-демократической революции в социалистическую и ликвидация системы наемного труда.

Первым крупным столкновением будущих меньшевиков и большевиков на этом поле была реакция Ленина в 1899 г. на манифест «экономизма» – «Credo» Е.Д. Кусковой.²¹ Анализируя кардинальные отличия российского рабочего движения от западного, Кускова призывала отечественных социал-демократов не пользоваться марксизмом «с чужого плеча». «Разговоры о самостоятельной политической рабочей партии, – пишет она, – суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву... Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь в экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности».²²

Развернутая критика этих положений была дана в книге В.И. Ленина «Что делать?». Помимо известных положений марксизма относительно задач рабочего движения, эта работа содержала существенно новый момент. На основе разграничения задач и содержания экономической и политической борьбы обосновывалось различие тред-юнионистской организации рабочего класса и его политической партии.²³ Именно по поводу партии «нового типа» и произойдет вскоре раскол социал-демократов на большевиков и меньшевиков. Такой организации, которую много лет спустя Сталин назвал «орденом меченосцев», не требуются никакие институты гражданского общества и, в частности, профсоюзы. Используемые как средство завоевания политической власти, в условиях «диктатуры пролетариата» они сохраняются в подчиненном, несамостоятельном положении.

В общем контексте указанных разногласий отдельным пунктом стоял вопрос о «нейтрализме» профсоюзного движения, дискутировавшийся не только российской, но и европейской социал-демократией.

Если в период революции 1905 г. связь между партией и профсоюзами никто, кроме кадетов и народников, не оспаривал, то в период реакции, начавшейся с 1906–1907 гг., стали раздаваться голоса в защиту нейтралитета. Объяснялось это не столько общетеоретическими соображениями о роли и задачах профсоюзов как таковых, сколько стремлением сохранить возможность их легальной работы в создавшихся условиях. Стокгольмский объединенный съезд партии весной 1906 г. высказался в пользу беспартийных профессиональных союзов, подтвердив позицию сторонников нейтральности во главе с Г. В. Плехановым. Лондонский съезд, собравшийся весной следующего года, как писал В. И. Ленин, «сделал шаг в сторону *партийных* профессиональных союзов *против* нейтральности».²⁴

Данный вопрос рассматривался на Штутгартском конгрессе второго Интернационала, в комиссию которого от большевиков входил А. В. Луначарский, а от меньшевиков – Г. В. Плеханов. В ходе полемики Плеханов заметил, что в России существует одиннадцать партий, борющихся за поддержку рабочего класса. При этом непонятно, с какой из них профсоюзы должны вступить в единение, которое к тому же приведет к расколу движения.

Решения конгресса по данному вопросу, которые Ленин призывал широко пропагандировать как выдержанные «в духе революционного марксизма»²⁵ и которые, несомненно, должны «ускорить решительный разрыв русской социал-демократии с идеей нейтральности, столь излюбленной нашими либералами»,²⁶ воспринимались не столь однозначно. Несмотря на авторитетные высказывания А. Бебеля и К. Цеткин, на которые ссылался Ленин, оценивая штутгартские решения как победу идеи партийности, конгрессом была принята резолюция о профсоюзах, знаменовавшая собою, по другим оценкам, полный успех ревизионизма в данном вопросе.²⁷ Так или иначе каждая из сторон осталась при своем мнении, что лишь усиливало борьбу за профсоюзы и, как и предупреждал Плеханов, углубляло раскол в социал-демократическом движении.

После Октябрьской революции перед большевиками встал вопрос, которым не задавались Маркс и Энгельс, – что будет с профсоюзами после победы пролетарской революции? Ответ состоял из двух принципиальных положений.

Во-первых, упраздняются традиционные, защитные функции профсоюзов: работник и работодатель соединяются в одном лице, купля-продажа рабочей силы исчезает, и защита трудящегося (в том числе путем стачечной борьбы) от его родного государства теряет всякий смысл. Напротив, государство становится на защиту интересов тружеников, пресекая покушения на права трудового народа со стороны сохраняющихся на первых порах частных нанимателей – отечественных капиталистов, иностранных концессионеров, подрядчиков и т. п. (Не случайно в структуре Наркомтруда поначалу существовал отдел борьбы труда с капиталом.)²⁸ Этим еще раз, теперь уже в новых условиях, по мнению большевистских идеологов, подтверждалась несостоятельность идеи нейтральности профсоюзов.

Во-вторых, вместо старых функций профсоюзов появляются новые. В качестве хозяев рабочие берут в свои руки управление производством, делая это через профсоюзы. Но так как социалистическая собственность носит не долевой, а общенародный государственный характер, профсоюзы, принимая на себя часть обязанностей вновь возникшего собственника, становятся государственными организациями, элементом советской политической системы. Эти идеи²⁹ нашли отражение в резолюции подконтрольного большевикам Первого всероссийского съезда профсоюзов. Автором резолюции³⁰ был Г. Зиновьев (которого на том же съезде избрали председателем ВЦСПС, но в связи с загруженностью партийной работой уже в марте заменили другим видным большевиком М. Томским). Такой взгляд на профсоюзы в общем и целом воспроизводился в решениях второго (1919) и третьего (1920) профсъездов и был закреплен в программе партии, принятой VIII съездом РКП (б) в 1919 г.³¹

Однако жизнь вносила все более существенные коррективы в указанные программные положения. Вспоминая о том, чем занимались профсоюзы в те годы, М. Томский

писал: «Трудно сказать, чего они не делали, так как делали они действительно все: боролись с голодом, организовывали продовольственные отряды, снимали с фабрик ответственных работников и посылали их на фронт, боролись с эпидемиями, организовывали комиссариаты, управляли производством, продолжали свою организационную работу внутри рабочего класса, одновременно ведя неутомимую повседневную борьбу с реформизмом, со всеми его проявлениями».³² Но по мере создания (с помощью тех же профсоюзов) госорганов управления экономикой все острее давало о себе знать дублирование функций и столкновение компетенций. Вопрос о разграничении сфер деятельности совнархозов и профсоюзов предлагалось решать в том смысле, что первые занимаются вещественным фактором производства, а вторые – личным.³³ Еще менее внятыми были отличия функций профсоюзов и Наркомтруда, который по этой причине предлагали ликвидировать.³⁴ Нарком труда В. Шмидт говорил, что деятельность его ведомства и профсоюзов «в основном – это одна и та же работа. Это охрана труда, нормирование труда и заработной платы, порядок найма, правила и нормы распорядка, трудовая дисциплина».³⁵ На этой почве еще больше давало о себе знать и без того свойственное бюрократической системе разрастание аппарата. Средств на содержание все увеличивающейся армии своих чиновников у профсоюзов не хватало, и вскоре они стали получать государственное финансирование. Таким путем государство приобрело дополнительный рычаг воздействия на профсоюзы.

Огосударствление профсоюзов выразилось также в обязательном профсоюзном членстве всех работающих, решение о котором принял второй съезд. Трудовые коллективы (включая и «мертвые души») поголовно зачислялись в союз, а взносы в виде автоматических отчислений от зарплаты шли в профсоюзную кассу. Поэтому к концу 1921 г. при полном упадке экономики численность профсоюзов формально достигла 8 млн человек, при этом доля промышленных рабочих составляла менее одной четверти. На словах сплошное «осоюзивание» объяснялось стремлением вовлечь трудящихся в управление производством. На самом же деле речь шла о подготовке полной государственной монополизации не только средств производства, но и труда. Именно в связи с этим последним обстоятельством и развивались события, известные в советской истории как дискуссия о профсоюзах. «Политическое содержание дискуссии, – писал ее “застрельщик” (по определению “Краткого курса”) в автобиографической книге “Моя жизнь”, – до такой степени завалено мусором, что я не завидую будущему историку, который захочет добраться до корня вещей».³⁶ Дело же обстояло так.

Под впечатлением увиденного за время руководства хозяйственной работой на Урале зимой 1919/20 гг. Л. Троцкий подал в ЦК партии предложение о замене продразверстки хлебным налогом и легализации торговли. Однако оно было отвергнуто одиннадцатью голосами против четырех. Если поворот к рынку не проходит, рассудил Троцкий, необходимо сделать более действенной существующую военно-коммунистическую систему управления. При отсутствии сырья, топлива, продовольствия и наличии находящегося на грани полной остановки транспорта единственным ресурсом восстановления разрушенной войнами и революциями экономики является живая рабочая сила. Однако вовлечь ее в производство с помощью военно-коммунистических методов можно, только подняв на новую ступень принуждение к труду. Этой ступенью является всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда.

Логика милитаризации экономики с присущим ей жестким единоначалием и пайковым распределением не оставляла места в такой системе профсоюзам. К тому же они были совершенно не в состоянии решить главную задачу момента – извлечь неиспользуемую в целях экономического возрождения рабочую силу из мест ее сосредоточения – деревни,

спекуляции («мешочничества»), кустарных промыслов и армии, так как ни в одной из перечисленных сфер профсоюзов не существовало. Этим объясняется позиция Л. Троцкого к весне 1920 г.: «Необходимо положить конец вмешательству профсоюзов в хозяйство». ³⁷ Что же касается выдвинутого в тот момент лозунга милитаризации профсоюзов, то речь шла лишь о создании видимости их сохранения. Курируемый Троцким и руководимый Центральным Комитетом объединенного союза рабочих железнодорожного и водного транспорта (Цектраном) образцово милитаризованный транспортный профсоюз железнодорожников и водников царившими в нем порядками поддержания трудовой дисциплины напоминал скорее каторжную тюрьму, нежели общественное объединение. Да и вся деятельность профсоюзов в качестве помощников Главкомтруда, РККА и НКВД в деле проведения трудовщины (о чем в вышеприведенном перечне М. Томского не упоминается) придавала союзной работе репрессивный уклон. «Мы превратили одно время ВЦСПС, — говорил не без гордости его председатель на третьем съезде, — в полувойнное учреждение, когда у нас, в высшем органе профессионального движения работали бывшие полковники генерального штаба». ³⁸

К 1920 г. все это стало настолько очевидным и нетерпимым, что к традиционной меньшевистской и анархо-синдикалистской критике советской организации наемного труда, ³⁹ принявшей в связи с его милитаризацией варварские формы («египетское рабство», «аракчеевщина», «крепостничество» и т.п.), ⁴⁰ открыто присоединилась часть большевиков во главе с А. Шляпниковым, А. Коллонтай, С. Медведевым, объединившимися на платформе «рабочей оппозиции». ⁴¹ Необходимость защитных функций профсоюзов, по их мнению, не только не отпала, но многократно возросла. Каторжное существование миллионов пролетариев в Советской трудовой России, докапиталистические формы государственной эксплуатации и бюрократический гнет ставят в повестку дня вопрос передачи всего дела управления экономикой Всероссийскому съезду производителей.

Однако большинство участников дискуссии, так или иначе примыкавших к иным, трудноотличимым друг от друга невнятным «платформам», безоговорочно одобряли внедряющуюся систему принуждения к труду. Не смущало их и то, что высмеиваемый партийными и профсоюзными вождями — Лениным, Троцким, Зиновьевым, Бухариным, Томским и другими — лозунг свободы труда был основой возникновения группы «Освобождение труда» — прародительницы большевистской партии. Споря о профсоюзах, делегаты IX съезда РКП (б) прекрасно понимали, о чем на самом деле идет речь: кто в послевоенной России займет ведущее положение в экономической, а значит, и в политической жизни страны — госаппарат, «профессионалисты» (которых Троцкий предлагал «перетряхнуть» и «протереть с песочком») или военные. В форме профсоюзной дискуссии обсуждался вопрос о власти, о будущем политическом устройстве страны.

Год, потраченный на выполнение решений IX съезда, не улучшил экономическое положение страны, некоторые районы которой были доведены до отчаянного состояния. Безошибочно почувствовав угрозу власти, о чем недвусмысленно свидетельствовали восстания в Кронштадте и в Тамбовской губернии, В.И. Ленин резко изменил курс, выразившийся в переходе к нэпу. Троцкий с готовностью поддержал его, видя в этом правоту собственной позиции годичной давности. А вновь вспыхнувшая весной 1921 г. на X съезде РКП (б) профсоюзная дискуссия в прежнем ее виде уже была актуальна «как прошлогодний снег». Ленин участвовал в ней ⁴² лишь в связи с необходимостью дать отпор анархо-синдикализму, актуализировавшемуся в связи с действиями «рабочей оппозиции» (на словах отрицавшей связь с этим уклоном).

Тем не менее переход к нэпу имел определенные последствия и для профсоюзов. Легализация отечественного и допущение иностранного капитала в советскую экономику, признание отчаянного материального положения трудящихся и бюрократического гнета привели к официальному признанию необходимости защитной функции профсоюзов (распространяющейся и на отношения работников с администрацией госпредприятий). Было отменено обязательное членство, в результате чего численность профсоюзов сократилась почти вдвое, составив к январю 1923 г. 4,5 млн человек.⁴³ Однако разгосударствления профсоюзов так и не произошло. Они, хотя и негласно, продолжали финансироваться и полностью контролироваться государством, оставаясь составным элементом системы государственного принуждения к труду.

В конце 1920 г. у большевиков возникли сомнения в способностях широких трудящихся масс руководить страной. Выступая в январе 1921 г. на Втором всероссийском съезде горнорабочих, Ленин говорил: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки».⁴⁴ Соответственно стал формироваться идеал профсоюзного работника нового типа, способного решать современные управленческие проблемы в любой сфере деятельности. Имея в виду образ управляющего из числа бывших профдеятелей, резко контрастирующий с фигурой выпускника начальной «школы коммунизма»,⁴⁵ Л. Троцкий, всего год назад требовавший не допускать вмешательства профсоюзов в хозяйствование, в проекте постановления к X партсъезду записал: «Наркомтруд упраздняется с передачей его основных функций профсоюзам».⁴⁶ Однако бюрократия тех лет в массе своей оказалась ближе к Сталину, нежели к Троцкому и его идеалу управленца. Это, как известно, и решило исход их борьбы. А профсоюзы, повторив хождение во власть фабзавкомов, заняли предписанное им еще Бисмарком и Лассалем подчиненное место в системе государственного социализма, оставаясь такими до начала 1990-х годов.

¹ См.: Резолюции по рабочему вопросу (приняты 3 апреля 1917 г.)// Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов: Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 296–304.

² *Гарви П. А.* Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917–1921) / Под ред. Г. Я. Арансона. New York, 1981. С. 46; *Гиммельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М., 1995. С. 49.

³ См.: *Панкратова А.* Фабзавкомы в России в борьбе за социалистическую фабрику / Под ред. М. Н. Покровского. М., 1923.

⁴ За год: Сб. ст. / Под ред. Б. Горева и др. М.; Пг., 1919. С. 57.

⁵ См.: Октябрьская революция и фабзавкомы: Материалы по истории фабрично-заводских комитетов / Под ред. П. Н. Амосова и др. Ч. 1. От Февраля к Октябрю. М., 1927. С. 4–5.

⁶ См.: *Панкратова А. М.* Политическая борьба в российском профдвижении 1917–1918 гг. Л., 1927. С. 34.

⁷ См.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 1. С. 30.

⁸ См.: *Панкратова А.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. М.; Л., 1927. С. 92–95.

⁹ См.: *Рыков А. И.* Статьи и речи. Т. 1. 1918–1920. М.-Л., 1927. С. 17–18.

¹⁰ См.: Октябрьская революция и фабзавкомы: Ч. 2. Накануне Октября. М., 1927. С. 193.

¹¹ См.: Первый всероссийский съезд профессиональных союзов. 7–14 января 1918 г. Полный стенографический отчет с предисловием М. Томского. М., 1918. С. 374.

¹² См.: Там же. С. 85, 215, 239–241.

¹³ «Тред-юнион, как мы его себе представляем, является длительно существующей организацией наемных рабочих, создающейся с целью поддерживать и улучшать условия существования ее членов» (*Вебб С., Вебб Б.* История тред-юнионизма / Перевод под ред. В. Яроцкого с пересмотр. и доп. изд. 1920 г. Вып. 1. Происхождение тред-юнионизма. М., 1922. С. 11).

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 154–155, 8–10, 200–201.

¹⁵ Там же. Т. 4. С. 432–436, 448–457.

¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 62.

¹⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 454.

¹⁸ Закон 4 марта 1906 г. о союзах и обществах с последующими к нему разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства внутренних дел. СПб., 1906. С. 15.

¹⁹ См.: Профессиональные союзы СССР в прошлом и настоящем. 1905–1917–1927 г. / Под ред. Ю.К. Милюнова. М., 1927. С. 27.

²⁰ Подробно об этом см.: *Святловский В.В.* История профессионального движения в России. От возникновения рабочего класса до конца 1917 года. 2-е доп. изд. Л., 1925. С. 78–86.

²¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 163–176.

²² Там же. С. 168.

²³ См.: Там же. С. 112 и др.

²⁴ Там же. Т. 16. С. 83.

²⁵ Там же. С. 74.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ См.: *Фостер У.З.* Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956. С. 250.

²⁸ Не случайно и то, что вскоре он был преобразован в «отдел взаимоотношений», конфликтному отделению которого все чаще, однако, приходилось рассматривать требования рабочих к государству — далеко не всегда, по мнению отделения, обоснованные (См.: Бюллетень Народного комиссариата труда. 1918. № 1–4 (август–сентябрь). С. 48–54).

²⁹ См.: *Зиновьев Г.* Соч. Т. 6. Партия и профсоюзы. М.; Л., 1929. С. 291–292, 330, 334.

³⁰ См.: Первый всероссийский съезд профессиональных союзов. С. 364–365.

³¹ Логичное для такого понимания роли профсоюзов и зафиксированное в п. 6 зиновьевской резолюции положение о том, что «особенное внимание должно быть посвящено централизации профессионального движения во всероссийском масштабе» (с. 364 Стенографического отчета), соответствовало лассальянскому видению построения профсоюзов, которое Маркс считал «принципиально ошибочным». Он отмечал, «что организация, построенная на основе *централизма*, пригодна для тайных обществ и сектантских движений, но противоречит сущности профессиональных союзов» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 32. С. 476).

³² *Томский М. П.* Избранные статьи и речи. М., 1928. С. 448.

³³ См.: Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 231–232, 257; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 222.

³⁴ См.: Девятый съезд РКП(б). Протоколы. С. 212, 256.

³⁵ Второй всероссийский съезд профессиональных союзов. 16–25 января 1919 г.: Стенограф. отчет. Ч. 1 (Пленумы). М., 1921. С. 98.

³⁶ *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 197.

³⁷ *Троцкий Л.* Соч. Т. XV. Хозяйственное строительство Советской республики. М.; Л., 1927. С. 106.

³⁸ Третий всероссийский съезд профессиональных союзов: Стенограф. отчет. Ч.1 (Пленумы). М., 1921. С. 33.

³⁹ См.: Первый всероссийский съезд профессиональных союзов. С. 82, 122; Второй всероссийский съезд профессиональных союзов. С. 102; Третий всероссийский съезд профессиональных союзов. С. 65–66; Восьмой всероссийский съезд рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стенограф. отчет (22–29 декабря 1920 г.). М., 1921. С. 39.

⁴⁰ См.: Третий всероссийский съезд профессиональных союзов. С. 97–98.

⁴¹ См.: Партия и союзы: К дискуссии о роли и задачах профсоюзов: Сб. ст. и материалов / Под ред. Г. Зиновьева. Пг., 1921; Рабочая оппозиция: Материалы и документы 1920–1926 гг. / Сост. М. Зоркий. С предисл. Ем. Ярославского. М.; Л., 1926.

⁴² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 93–111.

⁴³ См.: *Томский М. П.* Современное положение российских профессиональных союзов. М., 1923. С. 7.

⁴⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 253.

⁴⁵ См.: Дискуссия о профсоюзах: Материалы и документы 1920–1921 гг. (Предисловие Я. Рудзутака). М.; Л., 1927. С. 8, 16, 31.

⁴⁶ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стенограф. отчет. М., 1963. С. 683. — Под документом стояла также подпись Н. Бухарина, который год назад на девятом партсъезде критиковал предложение о замене хозяйственных органов профсоюзами как крайность.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2006 г.